

Реальность — тонкий лед, и большинство людей просто скользят по нему, как на коньках, всю свою жизнь и не знают, что он может треснуть у них под ногами.

Стивен Кинг. Чужак

ЗАЧАРОВАННЫЙ САМОЛЕТ

Было это осенью пятьдесят второго в Корее. Я тогда служил... в общем, в мои служебные обязанности входил и допрос пленных. Исключительно англоязычных: американцы туда под флагом ООН наташили, кроме своих, войска еще пятнадцати стран. Кроме англичан, канадцев, австралийцев и новозеландцев, которые тоже моему попечению были поручены, были еще турки, греки, французы. Одним словом, всякой твари по паре, замучаешься перечислять. Наличествовала и вовсе уж экзотическая солдатня — из Эфиопии и Люксембурга. Что они забыли в Корее (особенно Люксембург), решительно непонятно. Но вот поди ж ты, заявились... Ну, и южнокорейцы, понятно.

Каких-либо серьезных военных тайн мы в результате допросов пленных не получили, да и не рассчитывали их получить. Кроме одной, ради которой и рыли землю на три аршина вглубь: не доставили ли американцы в Корею атомные бомбы. Одно время они всерьез обсуждали, не применить ли их — причем не в Корее, а в Китае, за китайскую

помощь корейцам. Причем это обсуждение велось вовсе не за семью замками, в каком-нибудь засекреченном бункере: «ястребы» открыто этого требовали и в публичных выступлениях, и в газетах. Вот мы и старались. У нас прекрасно знали, какие меры предосторожности и безопасности американцы принимают при транспортировке атомных бомб. И составили специальный вопросник: весьма длинный, каждый вопрос по отдельности выглядит совершенно невинно, человек и не догадывается, куда клонит допрашивающий. А вот все вместе они позволяют безошибочно сделать вывод: доставлены бомбы или нет.

Впрочем, я отвлекся. Случай, про который я хочу рассказать, никоим боком с атомной бомбой не связан...

Работа предстояла привычная и даже чуточку прискучившая: допросить очередного сбитого летчика. Его истребитель наши свалили над занятой нашими территорией, приняли его китайцы и передали «старшему брату», то есть нам. В те времена китайцы нас всерьез считали именно что старшим братом...

Капитан этот меня всерьез заинтересовал. Нет, не своими показаниями, они-то как раз не содержали ничего интересного, ничего, что нам не было уже известно. Своим поведением заинтересовал. Понимаете ли, сбитые американские летуны, вообще все их пленные четко делились на две категории. Одни с самого начала говорили много и охотно,

иные даже с явным подобострастием — лишь бы их не отправили в заснеженную Сибирь на съедение тамошним медведям-людоедам, а то и не расстреляли бы на месте, известно ведь, что «большевики» пленных жарят на постном масле и едят под водку и гармошку. Другие гордо становились в позу, заявляли, что воинские уставы им предписывают при попадании в плен сообщить свою фамилию, звание и номер части — и ничего больше.

(Вообще-то и таких гордецов мы сплошь и рядом обламывали, и петть они начинали не хуже Шаляпина. Не физическими методами, не подумайте — словесно тоже можно добиться хорошего результата, выиграть чисто психологическими методами. Ладно, не будем отвлекаться, хотя тема сама по себе страшно интересная, но разговор не о том...)

Так вот, капитан ни под одну из этих категорий не подходил. Вообще-то говорить много он начал с самого начала, вот только никак не скажешь, что — охотно. Это был какой-то сгусток депрессии, самой глубокой апатии. Конечно, и те, из вышеназванных двух категорий, в депрессию порой впадали — и оттого, что их, таких храбрых американских соколов, бесцеремонно приземлили «красные», и оттого, что полагали, будто с ними теперь все кончено и смертушка их ждет скорая и лютая.

Вот только у всех предшественников капитана это всегда выражалось в гораздо более легкой форме. В точности как с гриппом или какой-нибудь

другой болезнью. А вот капитан был... я и сейчас, через тридцать с лишним лет, не подберу наиболее подходящего слова. Прямо-таки олицетворение глубочайшей депрессии, какая только может на человека свалиться. Я и сейчас, когда говорю о нем, вижу его перед собой, как наяву: ссутулился, не пошевелится лишний раз, сидит как статуя, руки на коленях, взгляд тусклый, голос глухой, безжизненный, без тени эмоций и чувств, когда говорит, полное впечатление, что живут только губы, а кроме них, ни один мускул на лице не дрогнет. Предложишь ему сигарету — возьмет (курильщик был заядлый, в точности как я), но курит, словно какой-то механический автомат в облике человека — ни одного лишнего движения, подносит ли сигарету к губам, пепел ли стряхивает. На все вопросы отвечает без заминки, исчерпывающе — но опять-таки как автомат, ни словечка от себя, ни тени эмоций. Первый и, забегая вперед, последний у меня т а к о й попался. Честное слово, порой не по себе бывало чуточку — я бы никому в том не признался, но жутковатое впечатление он производил. Словно бы и не живой человек, а какое-то создание не от мира сего. Это у меня была уже третья война после Отечественной и японской кампании, всякое повидал, но такого вот... Видел я и кишки попавших под артобстрел, видел людей, по которым проехал танк, да много чего. Но там было совсем другое, если вы только понимаете, что я имею в виду. Ни разрывов, ни изуродованных трупов, ничего

такого из разряда военных ужасов. Просто... Знакомый кабинет, покойная тишина, белый день за окном — а напротив тебя сидит этот автомат в человеческом облике, говорящий на один лад, глухо и монотонно... Жутковато делается.

Поначалу я полагал, что это у него из-за травмы. Когда наш «МиГ-15» его сбил, у капитанского «Сейбра» снарядом разнесло фонарь кабины, мелкими осколочками изрядно посекло капитану лицо — но это, по большому счету, были мелкие царапины, быстро затянувшиеся. А вот один осколок угодил в правый глаз, да так, что его пришлось в нашем госпитале удалить — под наркозом, понятно.

Поначалу объяснение подворачивалось очень простое: очень уж он любил небо, любил летать. И прекрасно понимал: даже благополучно вернись он из плена домой, «на землю» спишут вчистую — одноглазых в авиации не держат. Это без ног, на протезах, летчики-истребители, проявив нешуточное упорство, оставались в строю. Правда, за всю Вторую мировую было только два случая: наш Маресьев и британский пилот, фамилии не помню. Всего два случая, но ведь допустили их безногими к полетам. А вот одноглазого не допустят ни за что.

Вскоре, после разговора с медиками, от этой версии пришлось отказаться. Врачи авторитетно заверяли: с первых часов в госпитале, едва туда привезли, он уже был в том самом «состоянии робота», в каком появился передо мной. А тогда он никак не мог еще знать, что лишился глаза: китай-

цы его перевязали на совесть, все лицо выглядело так, словно его бешеные кошки драли, замотали бинтами так, что остались только здоровый глаз, рот и ноздри. И когда он, отойдя от наркоза, узнал, что остался без глаза, никаких изменений в его состоянии не произошло, отнесся совершенно безучастно, словно не глаза, а, скажем, зуба лишился.

Наш психолог добавил к этому: он совершенно уверен, что наш летун психически здоров, иначе бы врачи его не выпустили в полет — у американцев врачи хорошие. Ни одна психическая болезнь, пусть до того долго дремавшая и никак себя не проявлявшая, не сваливается на человека неожиданно, как кирпич с крыши. Еще он ручается: то, что капитана сбили, «детонатором» послужить никак не могло. Речь, таким образом, может идти только о психологическом шоке, правда, очень сильном. И вывести человека из этого состояния можно, даже не будучи медиком — а просто знатоком своего дела. Вот вроде меня.

И вы знаете, эти его слова на меня подействовали как красная тряпка на быка. Или, выражаясь более возвышенно, поэтически, что ли, — словно рев боевой трубы на опытного кавалерийского коня...

Тут и профессиональное самолюбие заработало, и что-то вроде охотничьего азарта. Не хочу себя сверх меры нахваливать, но что было, то было: мне не раз случалось раскалывать упрямых, матерых вражин еще в Отечественную. Не подумайте, без

малейшего физического воздействия. В нашем деле мордобой — брак в работе. Исключительно словом и напряжением мозгов. Сначала «хранили гордое презренье», молчали или откровенно с ненавистью оскорбления выплевывали, но в конце концов начинали петь соловушками.

Вот я и подумал: неужели не смогу проломить эту невидимую броню, что он на себя нацепил, эту лютую меланхолию?

Собственно говоря, нас он больше не интересовал, можно было со спокойной совестью и чувством исполненного долга отправлять в лагерь военнопленных. Никаких особых секретов он не знал — кто бы в них посвящал рядового пилота истребителя? А все, насчет чего я его качал на косвенных, было еще одним подтверждением того факта, что пока что нет никаких признаков доставки сюда в ближайшее время американского атомного оружия. Но никто бы мне ни слова упрека не сказал, доложи я, что намерен с ним еще поработать какое-то время — такие вопросы целиком отдавались на мое усмотрение. И своими прямыми обязанностями я, что важно, нисколько не пренебрегал: такова уж была специфика службы. В мои служебные обязанности входил исключительно доклад пленным — ну, понятно, иногда приходилось составлять для начальства аналитические записки и разные обзоры. А тут уж шло по принципу «Когда густо, а когда пусто». Я специализировался на офицерах противника, а остальными занимались

ребята помоложе, у которых звездочек на погонах было гораздо меньше. Вот и выпадало так, что иногда целые дни, а то и недели мне было совершенно нечем заняться — и сейчас как раз оказался в таком вот простое. Так что никаких нареканий от начальства ждать не приходилось, и совесть нисколько не мучила: если рассудить, я не использовал служебное положение в личных целях, а в который раз оттачивал умение. В нашем деле главное — не закостенеть, полезно до седых волос чему-то учиться...

Словом, взялся я за моего одноглазого капитана всерьез, пустил в ход все, что умел, — без лишней спешки и ненужного нажима, понятно. Скорее уж наши долгие беседы больше напоминали «разговоры за жизнь», вертелись вокруг предметов и тем, вовсе не имевших отношения ни к войне, ни к политике. Капитан был ничуть не против долгих бесед на отвлеченные темы: в каком бы состоянии он ни пребывал, видно было, что ему предпочтительнее часами точить лясы-балясы и попивать хороший крепкий чай, чем валяться на койке в камере в компании пары-тройки таких же невезучих.

И лед тронулся, господа присяжные заседатели! Помаленьку-полегоньку мне удалось справиться с его броней. Образно выражаясь, сначала я наделал в ней дырочек, а потом она стала отваливаться кусками, дальше — больше. Ну, и наш психолог параллельно с ним работал (я его ни во что не посвящал, и он считал, что такую уж я выбрал тактику,

хочу из капитана еще что-то выудить — подобное случилось не раз).

Через неделю я убедился, что все труды не пропали даром. Внучка у меня любит повторять реплику кота Матроскина из известного мультфильма: «Заработало!» Тридцать лет назад, понятно, этого мультфильма, как говорится, и в проекте не было, но сейчас я именно так и скажу: заработало! С этой чертовой броней мне, конечно, не удалось справиться на все сто, но ожил мой капитан, даже чуточку повеселел, заговорил гораздо охотнее и раскованнее, в нем теперь было гораздо больше от человека, чем от бесстрастного робота...

Я уже приготовил несколько вариантов перехода от пустых разговоров к делу. Однако получилось так, что ни один не понадобился, капитан сам облегчил мне задачу. Сказал:

— Мистер подполковник, сэр, можно задать вопрос?

— Конечно, — ответил я.

— Почему вы так странно со мной возитесь уже неделю? Говорим о чем угодно, только не о военных делах, не о том, что может интересовать разведку. Я не дурак, я вижу. Вообще-то мне это только нравится, готов и дальше продолжать. Лучше сидеть у вас с разговорами, чем валяться на койке в камере. И такого чая, и таких конфет с печеньем в камере не дают. Т а к в плену сидеть можно. Вот только мне чертовски любопытно, почему вы целую неделю говорите о всяком постороннем.

И распропагандировать нисколечко не пытаетесь. А дома нам говорили: если попадем в плен, русские нас засыпят красной пропагандой, так чтобы мы были готовы... А вы и не пробуете...

Любопытство — это хорошо, подумал я. Это значит, помаленьку возвращаются к моему роботу человеческие чувства и эмоции. И сказал откровенно:

— Вы только не обижайтесь, капитан: нет никакой выгоды вас пропагандировать. Вы, согласитесь, рядовой пилот из превеликого множества таких. И что важнее, отец у вас простой фермер, небогатый. Вот если бы вы были сыном сенатора или миллионера, вас непременно постарались бы распропагандировать. Представьте себе во-от такие заголовки в газетах (я показал растопыренными пальцами): «Сын миллионера Смита осудил капиталистический строй и своего отца, эксплуатирующего американских пролетариев!!!» Совсем другое дело, верно? Ради такого стоит постараться...

И улыбнулся широко, доверительно. Опыт показывает, что такой тон и такая улыбка действуют на человека сильнее, чем крики и гроханье кулаком по столу. И точно, на его лице появилась ответная улыбка — первая улыбка за все время нашего знакомства. И я решил взять быка за рога:

— Причина одна: то же любопытство, что и у вас. Только по другому поводу. Мне стало чисто по-человечески любопытно: почему вы буквально с момента вашего... приземления впали в такое со-

стояние? Стали сущей куклой? Тогда вы еще не могли знать, что лишились глаза. И плен сам по себе на вас ни за что не подействовал бы настолько ошеломляюще. Воевали во Вторую мировую, с момента вашей высадки в Нормандии, не новичок. Любой военный допускает, пусть подсознательно, что может попасть в плен, вы сами говорили, что ваше начальство вас о такой возможности предупредило, инструктировало, как держаться в плену... Так почему? Вы сами можете сформулировать четко?

— Пожалуй что... — ответил он так, словно раздумывал. Уперся взглядом в пол, потом рывком поднял голову. — Вы не поверите, сэр...

— Постараюсь поверить, — заверил я.

— Ну ладно... Только я не вру нисколько, все так и было.

— Что?

— Это проклятое колдовство, — сказал он с видом человека, очертя голову прыгающего в ледяную воду. — Это ведь не ваш пилот меня сбил, то есть сбил, конечно, он, но еще неизвестно, как повернулось бы дело, начнись все как обычно. Вы ведь знаете — у меня четырнадцать сбитых: двенадцать в Европе и, что уж там, два здесь. Так что было бы еще неизвестно, кто кого. Все это чертово старикашкино колдовство. Никогда не верил ни в бога, ни во все эти штуки наподобие колдовства, о которых от негров слышал еще мальчишкой. А оказалось вдруг, оно е с т ь...

Я, конечно, удивился, хотя этого не показал. Но нельзя сказать, чтобы был так уж ошеломлен. Я просто-напросто тоже не верил ни в бога, ни в черта, ни во «все эти штуки», а это, думается, совсем другое... И я спросил:

— Можете рассказать подробно?

— Вы не поверите, — повторил он.

А я повторил:

— Постараюсь поверить.

Слово за слово, и он рассказал. Передаю всё так, как помню.

— Я в Нормандии в свое время слышал французскую поговорку: «В любом деле ищите женщину». Не знаю, для всего ли это верно, только в моем случае началось как раз с женщины. С девушки...

Я помню из наших прошлых разговоров: вы хорошо знаете заочно тот город, возле которого наш аэродром. Большой город, портовый. И европейский квартал там большой, не то что квартал, а целый район. В войну он изрядно обезлюдел: японцы загнали в концлагеря граждан всех стран, с которыми воевали, а таких было много. Ну а потом, когда мы заняли Южную Корею, уцелевшие стали понемногу возвращаться. И особенный приток новых жителей наступил, когда началась война. Хлынул целый поток разнообразных грузов, не только военных, в Японии ремонтировали нашу технику, вообще Япония стала перевалочной базой, на чем и быстренько поднялась из нищеты. Понятно, слетелась туча разных дельцов, делавших

бизнес на этом потоке. Не только пришлые дельцы из множества стран, но и вполне себе европеизированные корейцы, хоть их было не так уж много. Некоторые давно перебрались в Штаты, подальше от японцев, а вот теперь вернулись на родину.

Так что я ничуть не удивился, когда увидел в магазине, в европейском квартале, интересную девушку. По внешности кореянка, но одета по последней американской моде и разговаривала с продавщицей в точности как американка, знающая язык с раннего детства, без малейших неправильностей, употребляла сугубо американские словечки, с выговором уроженки западного побережья.

Красавица редкостная. Я человек холостой, с девушками никогда не был робким, хватало опыта. Так что, недолго думая, вышел, выражаясь вульгарным армейским языком, на станцию ближнего боя. Ну конечно, держался отнюдь не нахально, со всей галантностью: судя по одежде, девушка была, как говорится, из общества, не горничная какая-нибудь, а такая, у которой у самой есть свои горничные.

И вы знаете, мы быстро разговорились, а там и познакомились. Очень приманчиво она держалась: и не кокетничала вовсе, как это с ветреными девицами бывает, и недотрогу из себя не строила, не обдавала холодом. Как-то с ней было просто и легко, если вы понимаете, что я имею в виду.

В конце концов она согласилась пойти со мной в кафе, очень приличное, едва ли не лучшее в евро-

пейском квартале. И когда я пригласил ее на свидание, согласилась, опять-таки и без жеманства, и без отторжения. Так оно все и началось, мы стали встречаться, а через месяц я снял в том же квартале квартирку, небольшую, но уютную. И начались отношения — именно что отношения, а не обычный незатейливый романчик, каких у военного бывает предостаточно. Оба мы чувствовали, что тут всё побольше и посложнее...

Я правильно догадался с самого начала: она и в самом деле была с западного побережья, из Сан-Франциско. Фриско, как у нас обычно сокращают. И корейского, если разобраться, в ней были только внешность и фамилия — Пак. А звали ее Мэри, так и во всех документах значилось. Корейский знала плохо. Такая стопроцентно американская девушка: родилась в Сан-Франциско, училась в тамошней католической школе, воспитывалась как американка. Знаете, среди корейцев немало католиков, вот и ее отец с матерью были католики, еще до того, как перебрались в Штаты. Мне ее католичество нисколечко не мешало, сам я, пожалуй что, неверующий, да и родители тоже. Ну, ходили в баптистскую церковь и меня с собой брали — но это делали, как бы сказать, приличия ради. Нельзя же совсем не ходить в церковь, у нас в штате Арканзас на таких всегда смотрели косо, особенно в наших местах, в изрядной, что уж там, глуши...

Довольно скоро я немало узнал о семействе Мэри — она охотно рассказывала. Японцы захватили

Корею в девятьсот десятом году. И еще примерно за полгода до этого отец и дядя Мэри сообразили, к чему идет, — и ничего хорошего для себя не ждали. Отцу к тому времени было под тридцать, а дядя был десятью годами его старше. Оба вели торговлю на широкую ногу — корейцы, как и китайцы, гораздо больше склонны к торговле, чем другие азиатские народы. У обоих были тесные связи с нашими торговцами, особенно в Сан-Франциско — вот туда оба брата с женами и перебрались, без особых хлопот получили вид на жительство: в те времена это было гораздо проще, чем в последующие годы, особенно если речь шла о людях небедных. С видом на жительство в Америке можно жить десятилетиями, так что оба брата об американском гражданстве никогда не хлопотали. Ну а Мэри его получила автоматически. Есть у нас такой закон, по-латыни называется «лекс локис». Понятия не имею, что это по-латыни означает, но суть простая: каждый ребенок, родившийся в Штатах, американским гражданином становится именно что автоматически.

Все свои дела в Корее братья ликвидировали, так что вовремя перевели в Штаты очень приличные деньги. И занялись той же торговлей, держали магазины не только в Сан-Франциско и штате Калифорния, но и в двух соседних штатах. В миллионеры не выбились, даже первого миллиона не сколотили, но дела шли весьма неплохо. Потом их, такое впечатление, стала мучить тоска по родине, и в сорок шестом, примерно через полгода после капитуляции

Японии, оба в Корею вернулись. (Я, циник этакий, подозреваю, что дело тут не в одной ностальгии. Очень уж хорошие перспективы открывались для делового человека в послевоенной неразберихе. Много японского имущества перешло в новые руки, оккупационные власти поприжали корейских бизнесменов, сотрудничавших с японцами, открывался широкий простор для корейцев «благонамеренных». Не одни братья оказались такими оборотистыми, немало их земляков, сообразив, что к чему, вернулись из Штатов и других стран, но братья оказались среди первых. Что им здорово помогло, они и здесь торговали на широкую ногу, вдобавок в Штатах продали только половину своих тамошних магазинов, оставили себе самые процветающие.)

Судя по всему, братья о покинутой Америке ни-сколечко не жалели. А вот Мэри — совсем другое дело. В сорок шестом ей было шестнадцать, почти стопроцентно американская девушка. Конечно, после Штатов Корея ей не глянулась. Но в шестнадцать лет надо подчиняться родителям — да и потом она от них всецело зависела, как и до сих пор. Работать ей не было необходимости, вот и была, как говорится, девушкой из общества — у здешней корейской верхушки быстро сложилось то, что называется высшим обществом и светской жизнью. Но, конечно, по американским меркам это было лишь убогое подражание тому и другому.

Так она и жила — в полном достатке и с тоской по Америке. Года два назад попыталась отсюда вы-

рваться: сказала родителям, что хочет изучать медицину в одном из американских университетов. Вот только отец сразу заявил: у них достаточно денег, чтобы Мэри никогда и ничему не училась, не гнула спину и не портила глаза над учебниками (вообще-то в такой жизненной позиции нет ничего специфически корейского, восточного). А может, он еще просто-напросто догадывался, что она таким образом хочет вернуться в Штаты, ни малейшей тяги к медицине не испытывая. Сказал еще: для девушки ее положения лучший способ найти свое место в жизни — выгодное замужество (опять-таки ничего специфически корейского, как и в заверении, что они с братом постараются ей подыскать подходящего жениха).

Ну вот... Может, это крепко сказано, но через месяца полтора наших предельно серьезных отношений я понял, что жить без нее не могу. И не в одной постели дело: обнаружилось, мы на очень многое смотрим одинаково, а характер у нее, право слово, золотой. Другой жены и желать нельзя. А потому сама собой родилась незатейливая идея: жениться на ней самым законным образом и увезти в Штаты, когда война кончится — должна же она когда-нибудь кончиться?

Очень может быть, в глазах ее родителей я и не смотрелся подходящим женихом — с их-то капиталами. Но комфортную жизнь, пусть и без особой роскоши, я мог обеспечить. Кое-что имеется за душой. Половину того, что мне платили в армии,

я давненько уже откладывал — отец в меня форменным образом вбил бережливость, за что я ему только благодарен. А главное, три года назад мне досталась по наследству бабкина ферма в нашем же округе. Нельзя сказать, чтобы очень уж богатая, но и не совсем захудалая. Доход с нее был не такой уж большой, но регулярный. Так что в банке у меня уже лежит без малого двадцать пять тысяч долларов. Вполне достаточно, чтобы купить приличный домик в Литл-Роке — это столица Арканзаса — и жить, не трясясь над каждым центом.

К тому же я твердо решил после войны уйти из армии. Понимаете, давненько уже мне военная авиация поднадоела. Во Вторую мировую все было просто: мобилизовали меня, юнца зеленого, выучили на истребителя и послали в сорок четвертом в Нормандию. Там все было ясно: или мы Гитлера задавим, или он нас. А потом... Не демобилизовали, послали переучиваться на реактивные, вот как-то так и остался. Прижился, можно сказать. А теперь... Не пойму, какого черта мы с вами хлещемся в этом захолустье. Я политикой не интересуюсь, по большому счету, мне наплевать, чья будет Корея, наша или ваша. Жил без Кореи и дальше проживу. Мне бы жениться, свой дом завести, детей.

Ко всему прочему, появилась возможность через одного бывшего однополчанина неплохо устроиться на гражданке. Переучиться не на простого гражданского летчика, берите выше — на пилота трансатлантических линий. С перспективой под-

няться до первого пилота. А там платят даже больше, чем в армии. Так что обеспечить жену должным образом смог бы. Я пока что с Мэри об этих планах ни словечком не обмолвился. Хотел потихонечку-полегонечку навести ее на эту мысль, а уж потом всё и выложить.

Только получилось все совершенно иначе. Через два дня мне позвонила Мэри и сказала, что нам нужно срочно встретиться. Вроде бы ничего необычного, иногда она мне звонила, а иногда я ей. Вот только на этот раз голос ее звучал как-то странно: явно взволнованный, даже панические нотки слышались, порой казалось, что она вот-вот заплачет. И никогда раньше она не говорила «срочно». Когда я спросил, не случилось ли чего, она не ответила, еще раз попросила приехать срочно, если есть такая возможность. Возможность была, я пообещал, что приеду. И поехал.

По дороге мне пришло в голову: а если вдруг обнаружилось, что она беременна? Как ни береглись, а все же не убереглись однажды. Мысль такая меня ничуть не удручила, а даже наоборот, обрадовала — это только облегчало бы дело, повлияло бы на родителей. Или для беременности слишком рано? Плохо я разбирался в этих делах. Так ничего и не решил для себя толком.

Она была на себя не похожа — осунувшаяся, бледная, встревоженная, с большим трудом сдерживала слезы. И сразу же все выложила... Сегодня утром отец ей сказал, что подыскал подходящего

жениха. Тоже из американских корейцев, молодой, лет тридцати, у него успешный бизнес, связанный с военными поставками, так что отец все обдумал и уверен, что лучшего мужа не найти, поэтому пусть готовится.

Ну конечно, военные поставки. Золотое дно для всех, к ним причастных, куда там армейскому капитану с его счетом в банке... С бабкиной фермой и перспективой стать пилотом трансатлантических линий. Смешно и сравнивать.

А она продолжала, уже откровенно всхлипывая: как я к ней отношусь, она не знает, не выпадало случая серьезно об этом поговорить, но что до нее, она поняла, что любит меня по-настоящему. Но отцовской воле противиться не может.

С такой грустной покорностью судьбе сказала, что меня форменным образом от гнева затрясло. Взвился, словно шило пониже спины вогнали. Плевать мне, что тут отнюдь не корейская специфика. Это все отвлеченные теоретические рассуждения. А когда напрямую задевает тебя самого, когда речь идет о девушке, которую любишь и хочешь на ней жениться... Совсем другой оборот.

И я сказал ей как есть. Что тоже ее люблю и твердо намерен на ней жениться, что я, конечно, не богач наподобие этого типа с военными поставками, но не приглашаю ее жить в лачуге и кормиться благотворительным супом — вполне в состоянии обеспечить пусть не роскошную, но достойную жизнь, причем не в Корее, где ей

тоскливо, а в Штатах, где она родилась и выросла. Так что завтра же пойду к ее отцу и по всем правилам попрошу ее руки. А если он откажет, и без его согласия обойдемся. Зарегистрируем брак в американском консульстве — оба мы американские граждане, так что проблем не будет. И она на правах законной жены станет жить на базе в моей комнате, пока не кончится война. А может, мне и раньше удастся вернуться в Штаты — норма боевых вылетов у меня почти выполнена, и при таком раскладе плевать мне на все премиальные выплаты для тех, кто соглашается остаться после выполнения нормы. Тут уже не в деньгах дело. А отец ей ничего не сделает — что он может сделать совершеннолетней американской гражданке, законной жене американского офицера? Все законы будут на нашей стороне, какой ни возьми. Главное, чтобы она согласилась.

Я ее утешал, как мог, заверил, что тоже люблю ее по-настоящему, что хочу на ней жениться, что смогу обустроить ей безбедную жизнь, главное — в Штатах. Рассказал, какой у меня план. Сначала Мэри прямо-таки полыхнула радостью и надеждой, но буквально тут же потухла, увяла, опять стала печальной. Сказала, что ничего из этого у нас не получится. Она, конечно, совершеннолетняя, и план мой ей очень нравится, но дело даже не в том, что отец рассердится и будет против. Я, в конце концов, прав: что он может нам сделать? А сама она ко мне из родительского дома

ушла бы, не колеблясь. Все дело в дяде, он тут — главное препятствие. На отца он имеет огромное влияние, именно он, а не отец — инициатор брака с этим дельцом, и, что хуже всего, дядя — очень, очень, очень опасный человек. Вряд ли он ей сделает что-то такое уж плохое, а вот для меня может возникнуть смертельная опасность.

Так и повторила три раза — очень, очень, очень опасный человек. Но как я ни старался, категорически отказалась рассказать, отчего и почему этот чертов дядя так уж опасен. Сказала только, что всерьез за меня боится, дядя — старик жестокий и решительный, и если он что-то решил, все силы положит, чтобы по-его и вышло...

Ну а об меня, ответил я, зубы сломает, так что пусть не беспокоится. Я не мальчик и не оранжевый цветочек — военный летчик, вторую войну кручу. И под смертью был не раз, и сбивал меня над Германией реактивный «Мессершмитт». Только приземлился я благополучно, без единой царапинки, в расположении английской части. И вообще, я везучий, так что нисколечко не боюсь штатского злобного старикана.

А Мэри твердила, что я ничего не понимаю, что тут случай особый, что дядя очень опасен. И все так же отказывалась рассказать, как с дядей обстоит и чем он так уж опасен...

На том и остались, она ушла, а я налил себе виски без содовой и уселся обдумать дальнейшие действия, а заодно и прикинуть, что это за «очень,

очень, очень» опасный дядя. Я тут служил уже без малого год, в нашей контрразведке у меня был добрый приятель, так что обстановку здешнюю я знал получше многих, местными делами не интересовавшихся.

Очень быстро, раздумывая над загадочным дядей, чтоб ему на ровном месте провалиться, я, как мне тогда казалось, отыскал ответ на шараду. Единственное коротенькое слово: мафия. В самом деле, это многое объясняло, если не все. Тот самый приятель мне и о ней рассказывал. В любом крупном портовом городе, под какими бы широтами дело ни происходило, гнездится мафия. Тут и контрабанда, и, как в нашем, жи р н ы е военные перевозки, вокруг которых всегда крутятся разные потаенные махинации. В здешних морях еще — самое натуральное пиратство, поставленное с большим размахом: крупные банды на быстроходных катерах, с пулеметами, агентурной сетью, подкупленными полицейскими и чиновниками. Часто грабят торговые суда, причем обнаглели настолько, что нападают и на наши корабли с военными грузами. И покончить ни с ними, ни с мафией пока что не удастся. Японскую мафию после поражения самураев наши разгромили подчистую и выкинули, но на смену ей быстро пришла корейская, самым тесным образом связанная с нашей.

Вот вам и объяснение. В самом деле, если клятый дядюшка связан с мафией или пиратами, а то и с теми и с другими, он и в самом деле типчик

очень опасный. Угроза, к которой следует относиться серьезно. Такой, нужно рассуждать трезво, и на нашей базе может достать отравой, ножом или пулей. А если этот новоявленный женишок тоже с кем-то таким повязан — угроза двойная.

Только и для этой угрозы, очень может быть, и двойной, я вскоре придумал средство. Мэри уходит из дома, мы заключаем брак — только она не со мной на базе будет жить, а с первым же пароходом уедет в Штаты, во Фриско, а оттуда в Арканзас, на ферму к отцу, и там останется, пока я не вернусь в Штаты. Отцу я все напишу обстоятельно, он будет только рад. То, что она кореянка, он, я уверен, спокойно примет, хотя наверняка с некоторой грустью подумает что-то вроде: «Не мог, шалопай, свою найти...» Японки, кореянки и китайки в качестве жен для Америки — явление редкое, но вполне житейское. Неподалеку от нас живет фермер, у которого сын с войны жену-филиппинку привез, ничего, прижилась, работающая, смиренная. Негритянки, конечно, другое дело. Будь она негритянкой, отец ее на порог бы не пустил, да и меня форменным образом проклял бы. Так уж у нас заведено. В жизни не слышал, чтобы у нас в Арканзасе, да и вообще на Юге, белый на черной женился. Я не говорю, что мы черных не любим или там умышленно преследуем. Просто они сами по себе, а мы сами по себе, так уж бог знает с каких времен заведено.

Словом, при таком обороте дела Мэри была бы в полной безопасности. Арканзасские фермеры —

народ твердый. В каждом доме не один ствол отыщется. Если и нагрянут какие-нибудь гангстеры, от них и пуговиц не найдут, наши сами управятся, без шерифа, к шерифу они в самых крайних случаях обращаются. Ну, а то, что я здесь остаюсь, в пределах гангстерской или пиратской досягаемости... Не так уж и страшно, если подумать. После всех моих перипетий в небе паршивые местные гангстеры как-то убого смотрятся. В городе постараюсь появляться как можно реже, по крайней необходимости, а на базе, где хватает обслуги из местных, буду держать ушки на макушке и без пистолета в кармане из комнаты не выйду. Посмотрим еще, кто кого...

Этим новым планом я не ограничился, придумал еще один. Если то, о чем я только что рассказал, смело можно считать объявлением военных действий, почему бы не попытаться сначала решить дело миром? В конце-то концов, такая попытка ни мне, ни Мэри ничем абсолютно не грозила...

Предприятие я задумал незатейливое, старое как мир. Какие могут быть сложности, хитрости и новизна в самом обычном сватовстве?

На другое утро надел парадный мундир, прицепил все свои награды, узнал по телефону, что отец Мэри у себя в офисе, через секретаря назначил место встречи и поехал в город. Без оружия, конечно, — чем бы наш разговор ни кончился, безусловно, не станут убивать в офисе или на обратном пути на базу.

Офис у него был большой, сразу видно, что фирма процветает. И выглядел в точности как обычный американский офис крупного воротилы: корейцы, мужчины и женщины, одеты по-европейски, впрочем, и европейцы попадаются. Стрекочут пишущие машинки и телетайпы, звонят телефоны, снуют озабоченные служащие с бумагами — все как обычно.

И кабинет у отца Мэри был самый обыкновенный. Ничего корейского — разве что в углу на лакированной подставке кроме американского еще и корейский флаг и на стене, за спиной хозяина, кроме президента Трумэна, еще и корейский президент Ли Сын Ман. Это ни о чем еще не говорило — наверняка у наших мафиозных боссов кабинеты выглядят точно так же, и их офисы ничем не отличаются от обычных...

И отец Мэри выглядел в точности так, как должен выглядеть американский респектабельный делец: в дорогом, прекрасно сидевшем на нем костюме, с бриллиантовым перстнем, бриллиантовой булавкой в галстук, попыхивал дорогой сигарой. Трудно сказать, глядя на его азиатски непроницаемую физиономию, какие эмоции за ней кроются, но мне отчего-то показалось, что он нисколько не удивился моему визиту. Такое осталось впечатление.

Он вежливо предложил виски и сигару. Я вежливо отказался и сразу перешел к делу. Рассказал, что мы с Мэри, так уж случилось, любим друг друга

и я собираюсь на ней жениться. Мы об этом уже говорили, и она нисколько не против. Поэтому я по всем правилам, как человек взрослый и серьезный, пришел просить ее руки.

О том, какие отношения нас связывают, я, разумеется, ни словечком не упомянул: отцы молодых девушек, где бы дело ни происходило, к таким новостям относятся очень неодобрительно.

У него ни одна жилка на лице не дрогнула. Убедившись, что я закончил, он задал вопрос, какого в этой ситуации можно было ожидать от любого отца: на что мы собираемся жить? Грубо говоря, что у меня есть за душой?

Я рассказал и о бабкиной ферме, и о своем банковском счете, и о перспективе стать пилотом трансатлантических линий. Он слушал с тем же непроницаемым видом, а выслушав, спросил:

— И только?

Это было произнесено ровным, бесстрастным тоном, но мне не без оснований почудилась не просто насмешка, натуральная издевка. Так, наверное, держался бы какой-нибудь хладнокровный король, заявись к нему сватать принцессу захудалый дворянчик с парой убогих деревенок за душой. Я промолчал — а что мне оставалось делать?

Тогда заговорил он. Все так же ровно, бесстрастно, без тени эмоций. Что ж, этого следовало ожидать... Он говорил, что чувства — это, конечно, прекрасно, но, по его глубокому убеждению, они годятся исключительно для романтических филь-

мов и книг, а в реальной жизни, увы, все обстоит гораздо приземленнее. Не буду дословно передавать его довольно длинный монолог, вы, наверное, и так представляете, что богач вроде него мог сказать парню вроде меня. Он считает отцовским долгом устроить судьбу дочери как можно лучше, благо ситуация тому благоприятствует... И всё такое прочее. А потому, к превеликому сожалению, он из самых благих побуждений, исключительно в заботах о Мэри вынужден мне отказать.

Прозвучало всё это так, что никаких сомнений не осталось: он всё для себя решил и решения не изменит. Любые попытки переубедить не помогут. И я встал, чтобы уйти — а что еще оставалось делать?

— Сядьте, капитан, — сказал он невозмутимо. — Мы еще не закончили.

Я сел.

— Вам, конечно, такой адрес знаком, — сказал он. И назвал улицу, номер дома и квартиры, где мы с Мэри встречались. — Я знаю, какие отношения вас связывают... связывали. Мне, как отцу, это страшно не нравится, как и вам не понравилось бы на моем месте. Но в ярость приходиться не буду — Мэри взрослая девушка, гораздо больше американка, чем кореянка, да и я прожил в Америке большую половину жизни. Однако еще не поздно всё поправить. Конечно, я не могу держать Мэри дома под замком — не те времена на дворе, и люди не те. Но вы должны порвать с ней всякие отно-

шения. Безотлагательно и бесповоротно. Так будет лучше в первую очередь для вас.

— Угрожаете, мистер Пак? — усмехнулся я (и боюсь, улыбка была вымученной).

— Ну что за глупости вы говорите! — сказал он так искренне и открыто, что веры ему не было ни на грош. — Как бы я посмел, скромный лавочник, угрожать американскому офицеру? Бравому летчику, который защищает нас, убогих корейцев, от коммунистической заразы? Я просто-напросто пытаюсь, как уж получается, донести до вас сложность нашего мира. В молодости нам кажется, что мир прост и незатейлив, а это совсем не так. Сколько вам лет, двадцать пять?

— Двадцать восемь.

— Ну вот видите, — сказал он тоном доброго дядюшки. — Когда я был в вашем возрасте, тоже не задумывался над сложностью мира. Но потом понял: мир наш полон сложностей. И иные из них могут оказаться для человека опасными. Очень, очень опасными. И все гораздо сложнее, нежели, как вы выразились, «угрозы». Хорошенько подумайте над тем, что я сказал. Иные сложности мира способны человека погубить... и люди будут здесь совершенно ни при чем. Совершенно...

Он замолчал, молчал долго, и я понял, что разговор окончен. Встал и ушел, не прощаясь. Когда сидел в джип, весь кипел, но потом с собой справился. Следовало обдумать ситуацию хладно-

кровно — в точности как на разборе полетов или инструктаже перед очередным боевым заданием.

Без сомнения, за нами следили... и не за нами, а за одной Мэри. Я ничего не смыслю в слежке и прочих таких делах, разве что порой от скуки прочитаю детективный роман — но детективы ничему научить не могут, там просто пишется «я следил» или «за мной, я сразу определил, следили». А технология, так сказать, почти и не описывается. Но тут, по-моему, достаточно обычной житейской сметки.

Следить за мной, я подумал, слишком сложно. Откуда им знать, когда точно я выезжаю с базы? А вот следить за Мэри гораздо проще. Кто? Я слышал краем уха, что и здесь есть частные сыщики. Но в сочетании с угрозами мистера Пака скорее уж заподозришь, что речь идет о местной мафии.

То, что ее папаша оказался связан с мафией, а то и сам — мафиозо, меня нисколечко не испугало. Может, еще и потому, что до сих пор я с мафиозо не сталкивался, плохо представлял, что они такое и чего от них ждать. Этакая абстрактная угроза. Ну, как эскимос, привыкший к угрозе исключительно от белых медведей, не умеет т о л к о м бояться ядовитых змей. Даже если и знает, что они есть и их укусы бывают смертельными. А еще я подумал: драться с реактивными «Мессершмиттами» было делом гораздо более опасным и, что греха таить, почти безнадежным...

И я вовсе не отказался от мысли жениться на Мэри и отправить ее к моему отцу в Штаты. На-

оборот, только укрепился в этой мысли. Уж там-то ее не достанут. Гангстеры — парни серьезные, кто бы спорил, вот только они наверняка не знают, на что способен арканзасский фермер из глухомани, если его разозлить...

Ну а я... Постараюсь не высовывать нос с базы, смотреть в оба, держать ушки на макушке, и пусть попробуют меня достать. Это еще бабушка надвое сказала, кто кого...

В общем, я приехал на базу, уже окончательно успокоившись. И чтобы кое-что прояснить, пошел к Биллу, тому самому приятелю из контрразведки. Отношения у нас были вполне дружеские, доверительные, и я ему рассказал практически все — ну конечно, без тех подробностей, что были моим личным делом.

Билли почти что и не раздумывал. Сказал:

— Правильно рассуждаешь. Следить за т о б о й — чересчур хлопотное дело. Пришлось бы долго торчать в машине неподалеку от базы, не зная, когда ты выедешь и вообще поедешь ли в город. Охрана базы как раз и наблюдает за такими вот подозрительными машинами, и серьезные люди вроде местных мафиози не могут этого не знать. Зачем им лезть на рожон? Гораздо проще и безопаснее следить за твоей девушкой. Скажем, кто-то из слуг подслушивает ваши с ней разговоры по параллельному телефону и, когда она выходит из дома, дает знать шпиикам. Или просто сообщает всякий раз, когда она выходит из дома. А шпиики

могут хоть круглые сутки сидеть в машине возле дома ее папаша. Серьезному мафиозо или просто богатому человеку устроить такое — раз плюнуть. А слежку твоя девушка выявлять просто не умеет, как и ты. Сам говоришь, вы с ней ни разу и не подумали, что за ней могут следить. А они следили. И узнали точный адрес вашего гнездышка.

— Погоди, — сказал я. — Ну хорошо, узнали улицу и дом. А как проведали номер квартиры?

— Это тоже дело нехитрое, — сказал Билли. — Шпик, чуточку выждав, заходит в подъезд следом за девушкой и видит, в какую квартиру она заходит. Как ни в чем не бывало поднимается этажом выше — и, когда она скроется в квартире, на цыпочках спускается вниз. Всего делов...

— А если квартира — на последнем этаже? — полюбопытствовал я. — Наша не на последнем, на третьем, но все равно интересно...

— Тоже ничего сложного, — ухмыльнулся Билли. — Шпик как ни в чем не бывало спрашивает у твоей девушки... ну, скажем, не знает ли она, в какой квартире живет мистер Чен. Она отвечает, что не знает — вы с ней ведь наверняка не знаете соседей по имени? Вот... Потом он для пущего правдоподобия звонит в соседние квартиры с тем же вопросом. И, не найдя своего Чена, вежливо извиняется за беспокойство и спокойно уходит. Никто ничего не заподозрит, вы с ней в том числе. Примерно так эти дела обделываются... что-то вроде этого, я уверен, и произошло. Иначе откуда папаша